

В. В. Емельянов

Санкт-Петербургский Государственный университет

DOI 10.69538/PV.2024.61.76.005

ШУМЕРСКИЙ ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ДИАЛОГ «ПРЕНИЯ РЫБЫ И ПТИЦЫ»

Чествуя Игоря Александровича Алимова, я не только чту его как покровителя, бодрствующего над моими писаниями вот уже более тридцати лет, но вспоминаю о том, что существует пример, которому невозможно следовать. Моя муза не обладает острой афористичностью стихов Вениамина Гуся. Моя проза не имеет дело с фантастикой и политическими прогнозами. Мои переводы, увы, не коснутся прозы, поскольку в Шумере ее не было. Мои научные работы никогда не будут обладать такой плотностью библиографического населения и такой густотой повествования. В научном почерке и стиле Алимова чувствуется вся ленинградская традиция историков китайской литературы, идущая от В. М. Алексеева, Ю. К. Щуцкого, Б. А. Васильева, О. Л. Фишман, Б. Б. Вахтина к его учителю В. В. Петрову и теперь усовершенствованная им самим. А в его художественных творениях проглядывают две школы — обэриутов и Стругацких. Его писания глубоко традиционны, да и сам он — живая традиция. Ассириологу с его четырьмя поколениями предшественников-одиночек такую традицию не превзойти. Можно только любоваться ею издали. Хочется пожелать юбиляру продолжать свои труды и дни, неизменно радуя поклонников новыми творениями своего пера и углубленными исследованиями в области китайской литературы. Не исключено, что достигнутое им понимание прозы *сяошо*, как сказал по другому поводу О. Э. Мандельштам, однажды «наплывет на русскую литературу» и обогатит ее как формальными, так и смысловыми находками.

Шумерский спор Рыбы и Птицы относится к традиционному для месопотамской писцовой школы жанру a-da-min³ du₁₁-ga — «словопрения двух». В настоящее время нам известны восемь произведений этого жанра: прения Мотыги и Плуга, Овцы и Зерна, Дерева и Тростника², Лета и Зимы, Рыбы и Птицы, Земледельца и Скотовода, Меди и Серебра, Тамариска и Пальмы. Все эти тексты дошли на табличках начала II тыс. до н. э. из Нип-

¹ Шумер. adamin < ada «спор» + min «два, двое»». У этого слова есть следующие аккадские эквиваленты: *tēšītu* «discord, conflict» (CAD T, 372), *edūtum* «знание» (CAD E, 39) (*Dijk J. J. A, van. La Sagesse suméro-accadienne. Leiden, 1953. P. 31*). Следует принять во внимание упомянутую в лексическом тексте OB Nippur Ura 4 Seg. 6, 20' породу или название рыбы a-da-min^{3ku}. Вполне возможно, рассматриваемый нами текст предусматривает игру омографов, в которой Рыба не может не быть зачинщицей конфликта, потому что таково ее имя.

² Текст не издан. Я. ван Дейк сообщает, что в нем упомянут царь Шульги (*Dijk J. J. A, van. Op. cit. P. 35*).

пура и Ура. В каталогах они традиционно названы по своим первым строкам. В колофонах табличек каждое из прений определено к жанру *zaz-mi₂* — «хвалебная песнь». Тексты традиционно состоят из четырех частей. В первой части описывается сотворение мира и определение судеб, во второй части два соперника спорят друг с другом о своем превосходстве, в третьей части они прибегают к вердикту третейского судьи, а в четвертой третейский судья провозглашает одного из спорщиков победителем, а другого — проигравшим¹. В каждом тексте содержится парадокс: выигрывает не та сторона, которая на первый взгляд кажется более сильной. Сведем доступные нам данные в таблицу².

<i>Прения</i>	<i>Третейский судья</i>	<i>Очевидный победитель</i>	<i>Истинный победитель</i>	<i>Причина победы</i>
Мотыга и Плуг	Нисаба (богиня ячменя и учета)	Плуг	Мотыга	1) Мотыга находится в работе 12 месяцев, а Плуг только 4. 2) Мотыгой можно сделать множество разных работ.
Овца и Зерно	Энки	Овца	Зерно	1) Зерно это пища для скота. 2) Из Зерна варят пиво. 3) Люди должны подчиниться игу Зерна, поскольку оно мерило стоимости всего остального.
Лето и Зима	Энлиль	Лето	Зима	Зима наполняет каналы водой, без чего невозможно земледелие в следующий сезон.
Медь и Серебро	Энлиль	Серебро	Медь	Все рабочие части сельскохозяйственных инструментов делаются из меди или бронзы.
Тамариск и Пальма	—	Пальма	Тамариск	Из него делают рукояти орудий труда.
Земледелец и Скотовод	Инанна	Земледелец	Скотовод	Выбор брата Инанны бога Уту, сакральный характер скотоводства, победа Скотовода в сражении.

¹ Основные особенности композиции этого жанра кратко описаны в статье: *Vanstiphout H. L. J. The Mesopotamian Debate Poems. A General Presentation (Part I) // Acta Sumerologica. 1990. No. 12. P. 271—318.*

² Debate poems https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.5.3*#f (дата обращения: 20.04.2024).

Помимо третейских судей, в прениях упомянуты цари, к которым прибегают за помощью как к посредникам между тяжущимися сторонами и верховным богом. В текстах упомянуты цари III династии Ура Ур-Намму, Шульги и Ибби-Суэн. Однако присутствие этих имен не означает, что тексты синхронны правлению упомянутых царей. Введение обожествленных государей в новые тексты могло использовать их имена в качестве сакральных авторитетов из древности — подобно древнему царю Египта Снофру в позднем тексте «Пророчество Неферти» или князю Владимиру в поздних древнерусских былинах киевского цикла. Поэтому вряд ли можно датировать время создания прений по именам упомянутых в них царей. Нужно помнить, что сами таблички прений дошли до нас только от начала Старо-авилонского периода.

На фоне перечисленных текстов, в которых одерживает верх наиболее полезная человеку сторона или сакральная фигура, спор Рыбы и Птицы является интересным исключением из правил. В нем побеждает не полезная, а морально правая сторона. И у него имеется интересная предыстория. Впрочем, обо всем по порядку. Первое упоминание табличек с текстом спора встречается в диссертации Я. ван Дейка о шумерской литературе премудрости¹. Дальнейшее издание и изучение текста предпринималось в трудах С. Н. Крамера², Х. Ванстипхоута и Б. Альстера³. Электронное издание сделано Й. Крехером и М. Сивилем⁴. А анализ некоторых аспектов его содержания известен из работ Х. Ванстипхоута и С. Понкиа⁵. Характеризуя специфику текста, Х. Ванстипхоут пишет: «Эта композиция примечательна не только тем, что подчеркивает преимущество приятных и

¹ *Dijk J. J. A. van. La Sagesse suméro-accadienne. Leiden, 1953. P. 41.*

² *Kramer S. N. Sumerische Litteraire Teksten uit Ur // Phoenix. 1964. Vol. 1. No. 10. S. 99—108.*

³ *Vanstiphout H. L. J., Alster B. Bird and Fish. A Sumerian Debate and Fable, or: The Importance of Being Pleasant. Groningen; Philadelphia; Copenhagen, 1988—1996; Vanstiphout, H. L. J. Sumerian Canonical Compositions. C. Individual Focus. 5. Disputations // The Context of Scripture, I: Canonical Compositions from the Biblical World / Ed by Hallo William W. Leiden; New York; Köln, 1997. P. 581—584.*

⁴ The debate between Bird and Fish: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.5.3.5> (дата обращения: 20.04.2024). Текст упоминается в трех клинописных каталогах из Ниппура и Ура, хранящихся в Британском музее, в Лувре и в Пенсильванском университете г. Филадельфии. Издание предпринято на основе следующих табличек: AO 5396 (TRS 31), BM 65147 (CT 42 42) + BM 68049 (CT 58 62), CBS 4822, CBS 4915 (PBS 10/2 21) + N 1317 (+) N 3736, IB 1127, N 1750 + N 1784 + N 4514 + N 7071, N 2192 + N 4116 + Ni 4472 (ISET 2 32) (+) N 3474, N 3219, N 4156 + N 6995 + Ni 4579 (ISET 1 89), (+) Ni 4234 (ISET 1 82), NBC 7912, Ni 4379 (ISET 1 86), Ni 9622A(!) (ISET 1 117), Ni 9673 (ISET 2 72), Ni 9803 (ISET 2 74f.), Ni 9987 (3-39), U 16879D (UET 6 39, obv. only), U 16886 (UET 6 41), UET 6 *472, UET 6 38, UET 6 40 + U 5641 = UET 6 *394, VAT 6977 + 6978 i-ii (VAS 10 204), 3N-T904, 146 (SLFN 55), 3N-T927, 521 (SLFN 55).

⁵ *Ponchia S. Debates and rhetoric in Sumer // Traditions of Controversy / Ed. by Dascal M., Chang H. Amsterdam; Philadelphia, 2007. P. 63—83.*

красивых вещей в жизни над суровой серьезностью, но и своим своеобразным форматом. В ней намеренно смешаны общие черты спора с чертами басни. Поскольку рыба не может победить силой аргументов, она пытается сделать это силой. Жестокая атака Рыбы приносит такой элемент повествования, который прорывается сквозь структуру аргументации. Кажется, проблема заключается в том, что суровая моральная праведность в любом случае никогда не сможет оправдать насилие»¹. Посмотрим, так ли это. Вниманию читателя предлагается первый русский перевод текста. После этого мы перейдем к анализу его содержания.

[РЫБА И ПТИЦА]

1. В давние дни, когда судьбы благие решались,
2. Когда Ан и Энлилль предначертания² Небес и
Земли установили,
3. [Когда] владыка обширного разума
4. [Энки, царь су]деб, воистину третьим,
5. [Как они] собрались³, вместе с ними уселся,
6. Воду живую⁴, семя истинное рождающую,
взял в свою руку,
7. Тигр и Евфрат рядом простер, чтобы воду
всем странам они подавали,
8. Малым каналам «омовение рук»⁵ он устроил,
основал протоки,
9. [...] Энки овчарни и хлевы построил, пастырей им
предоставил,
10. По всей стране основал города и селенья,
черноголовых размножил,
11. Царя на пастырство он поставил,
до властительства⁶ поднял,

¹ *Vanstiphout H. L. J. Sumerian Canonical Compositions. P. 581.*

² *ĝiš-ḥur* буквально: 'план, предначертание', т. е. предварительный чертеж будущей конструкции. Здесь это слово обозначает природную программу действий, заложенную в живые существа, т. е., говоря современным научным языком, инстинкт.

³ Начало строки разбито, после лакуны идет *ni-un-ur₄-ur₄* '(он всё) собрал'. Возможно, речь идет о МЕ, собранных богом Энки.

⁴ а */zi\-[šag₄]-ĝal₂* дословно: 'вода (тех, кто) внутри имеет душу'. Я перевожу это выражение как «живая вода», т. е. вода, способствующая зарождению жизни внутри организма.

⁵ *šu luḥ* «омовение рук» — обряд, совершаемый перед любым храмовым мероприятием. Здесь — чистка каналов от накопившегося ила.

⁶ Так я перевожу *nam-nun*, чтобы отличить его от «владычества» (*nam-en*).

12. Царь над всеми странами как день просиял.
13. [...] Энки болота собрал, старый и молодой
тростник прорастил,
14. [...] поселил птиц в заводи и в лагуны ¹,
15. [...] дал разных живых существ для их пропитанья,
16. [...] изобилие богов на них возложил ².
17. Когда Нудиммуд, великий властитель,
владыка обширного разума,
18. [...] создал,
19. Рыбой и птицей тростники болот он наполнил,
20. Положение ³ их указал им,
21. Предначертаниям он научил их ⁴.
22. Когда Рыба отложила икру в [болотах],
23. Птица в зарослях камыша гнездо себе свила,
24. (Но) она испугала Рыбу лагуны своим [видом].
25. Рыба поднялась и закричала,
26. Начало войне она положила,
27. Раздором улицу она возмутила ⁵, в гневе она предстала,
28. Рыба к Птице с яростью обратилась:
29. «Птица! [...] презрения нету!
30. Каркаешь ты в лагуне, шум [издаешь],
клюв широко раскрываешь ⁶!
31. Много (времени) у тебя в еде проходит,
из утробы твоей зло сочится ⁷,
32. Стоя в степи, ты клевать продолжаешь, пока не сгонят,
33. На бороздах сыны земледельцев силки
для шеи твоей расставляют,
34. Садовник на огородах сети ставит,
35. Руку свою от пращи не удержит, колен не преклонит,
36. На грядках ты злое творишь, ущерб наносишь,
37. На целинных полях следы твои неприятны! ¹

¹ ru₂ u₁ma₁^{ma₁b} дословно: 'колодцы (и) заболоченные озера'.

² Т. е. возложил на них обязанность кормить собою богов.

³ ki-gub можно понять и как «локация», и как «социальное положение».

⁴ Т. е. научил поступать по инстинкту.

⁵ du₁₄-še₃ sila ba-/zig₃ u₃-na-bi ba-an-gub дословно: 'раздором улицу она подняла, дикость свою поставила'. ETC SL переводит: «It roused the street by quarrelling in an overbearing manner». X. Ванстипхоут: «[Fish...] stood up in pride» (Op. cit. P. 581).

⁶ nundum bur₂-re bulu₅-ga₂ дословно: 'губы вовсю распускаешь'.

⁷ šag₄-za hu₁-bi sur-sur можно понять и как «зло сердца твоего сочится», и как «зло утробы твоей сочится» (имея в виду помет).

38. О Птица! Стыда ты не знаешь,
двор заполняешь своим пометом,
39. Маленький подметальщик сеть простирает,
бегает за тобой с веревкой,
40. Криком своим ты дворец тревожишь,
41. В дом откормщика тебя приводят,
42. Принуждают по-бычьи мычать, по-овечьи бляеть,
43. Льют для тебя в кувшин холодную воду,
44. Тащат тебя на ежедневную жертву,
45. Птицелов со связанными крыльями тебя приносит,
45А. Рыбак тебя во дворец приносит,
46. Крылья твои, голову твою они вяжут.
47. Крики твои непрестанны — что ты болгаешь?
48. Голосом злым своим ты только ночь пугаешь,
заснуть невозможно!
49. Птица, вон из болота! Твой шум несносен!
50. Яма на мусорной свалке тебе подходит!»²
51. Так в тот день порочила Рыба Птицу.
52. Пестрая Птица знала: она прекрасна³,
53. На поношение Рыбы не рассердилась,
54. Как будто она была нянька, певшая «уа!»⁴,
55. К слову шею не повернула, не заметила злого крика.
56. Тогда Птица ответила Рыбе:
57. «Как сердце твое занеслось, если плоть ничтожна?»⁵
58. Рот твой круглый, что холм,
а назад посмотреть ты не можешь,

¹ a-šag₄ ki duru₅ ġal₂-ġal₂-la-ba ġir₃-zu nu-zil₂-zil₂-i. X. Ванстипхоут дает к этой строчке неожиданный комментарий: «A sly hint in reverse? We know that Fish will be the loser because it is much too proud and self-opinionated; is this an allusion to the chicken-track aspect of cuneiform signs?» (Op. cit. P. 582). Думаю, что дело тут не в клинописи, а в том, что птицы порят своими отпечатками сырую весеннюю землю, которую еще не прошли плугом во II месяце Нипурского календаря. О работах на сырой земле см.: *Civil M. The Farmer's Instructions. A Sumerian Agricultural Manual*. Editorial AUSA. Sabadell, 1994. (Aula Orientalis Supplementa 5.)

² ru₂-saġ saġar-dub-ba-ka e₃-ni-ib ur₅-ra-am₃ me-te-zu-um дословно: 'Лучший колодец на мусорной свалке — иди туда! Вот что тебе подходит!'

³ mušen bar gun₃-gun₃ igi gun₃-gun₃ saġo-ga-ni-še₃ tu-un-zu дословно: 'Птица с пестрой шерстью и блестящим лицом о прелести своей знала'.

⁴ Т. е. колыбельную младенцу.

⁵ a-ġin₇ šag₄-zu šag₄ gur₄-ra im-de₆ ni₂-zu mu-e-sun₅-sun₅ дословно: «Как (вышло, что) сердце твое возгордилось, (а) самость твоя мала?» Перевод X. Ванстипхоута: «How has your heart become so arrogant, while you yourself are so lowly?» (Op. cit. P. 582).

59. Бедер ты лишена, нет рук и нет ног,
шею к ногам пригнешь ли?
60. Запах твой нехорош, на него ругаются люди,
61. Пищу твою не вместит ни одно корыто,
62. Несущий тебя не касается твоей кожи,
63. В великих болотах, в широких лагунах
я твой демон-галла ¹,
64. Сладкие цветки ты есть не можешь —
мой голос тебя пугает,
65. По реке ты не можешь плыть —
мой шторм тебя накрывает,
66. Когда ты проходишь сквозь заросли — я тебя вижу,
67. Мальки твои мне даны в ежедневную жертву,
пропитанию моему ты служишь,
68. Большие твои мне в месте трапезы [...],
воистину грязь твоя (непотребна),
69. *Разбита.*
70. Я же, Птица, красива, разумна,
71. Прекрасно исполнено мое убранство,
72. А твоя наружность ² работы не знает!
73. Вышагивать по царскому дворцу — моя участь!
74. При дворе мое пенье считают искусством ³,
75. Произвожу я сладкие звуки,
76. Плоть ⁴ Шульги, сына Энлиля, я услаждаю,
77. Плоды садов мне несут в ежедневную жертву,
78. Кашей, мукой, солодом, ячменем,
полбой уста мои услаждают!
79. Как ты не распознала мое превосходство?
К земле склони свою шею!»
80. Так в тот день порочила Птица Рыбу.
81. Рассердилась Рыба. Поверив в свое геройство,
82. Дождевою тучей по низу прошла, обратилась к пренью,

¹ gal₅-la₅ — должность конвоира и надзирателя в тюрьме, впоследствии имя демона Подземного мира. Такой эпитет, скорее всего, указывает на то, что Птица постоянно отслеживает перемещения Рыбы.

² la₃-ḥar kug-zu kiĝ₂ li-bi₂-ib-sig₁₀-ga дословно: «Твой святой воск не был (хорошо) сработан». Х. Ванстипхоут переводит: «But no skill has been applied even to begin your rough shaping!» (Op. cit. P. 582).

³ kisal-a mu₇-mu₇-ĝu₁₀ me-te-aš im-mi-in-ĝar дословно: «во Дворе мой шум установлен как украшение».

⁴ Здесь именно su-bar «тело, плоть». Птица услаждает плоть царя и своим пением, и своим жертвенным мясом.

83. Все оскорбления Птицы не приняла в свое сердце ¹,
 84. Не склонила шею к земле ², не сдержалась в слове.
 85. Второй раз ответила Рыба Птице:
 86. «Клюв и ноги подрезаны, стопы кривы,
 рот разделен, язык тонок ³,
 87. В невежестве своем тарахтишь ⁴ ты,
 не знаешь ты помышлений ⁵,
 88. Прожорлива, безобразна, наполняешь ты двор пометом,
 89. Маленький подметальщик сеть простирает,
 бегаёт за тобой с веревкой,
 90. Пекарь, пивовар, привратник — все, живущие в доме, —
 тобой недовольны!
 91. Птица! Величия моего ты не отследила,
 о естестве моем не спросила,
 92. Слабость мою, силу мою ты не познала —
 (только) злые слова ⁶ ты наболтала!
 93. Но когда на деяния мои ты глянешь —
 смирись от их превосходства!
 94. Тяжесть вины на слове твоём,
 не знаешь ты помышлений!
 95. Я — Рыба! Поручено мне изобилие чистых святилищ,
 96. В лазурный Экур ⁷ великой жертвой гордо иду я,
 97. Как Эзина ⁸, голод Страны утолить помогаю,

¹ Не расстроилась из-за них.

² X. Ванстипхоут понимает *gu₂ ki-še₃ <la>-ba-an-da-an-ĝar inim bur₂-bi im-me* как «"Upon your own neck be it!" it spoke unrestrainedly» (Op. cit. P. 582). Проклятье «да понесешь ты сказанное / содеянное на своей шее!» впервые встречается в надписи Urukagina 16 (XXIV в. до н. э.), в эпилоге которой сказано: *nam-dag / URU-KA-gi-na / lugal / Gir₂-su^{ki}-ka / nu-ĝal₂ / Lugal-za₃-ge-si / ensi₂ / Umma^{ki}-ka / dingir-ra-ni /^dNisaba-ke₄ / nam-dag-bi / gu₂-na he₂-il₂-il₂* «Вины на Урукагине, царе Гирсу, нет. Вину эту на шею Лугальзаггеси, энси Уммы, его богиня Нисаба пусть повесит!» (Ukg. 16: III 6-14—IV 3). Цит. по: <https://cdli.mpiwgberlin.mpg.de/artifacts/222618> (дата обращения: 21.04.2024). Однако здесь такой вариант перевода невозможен по грамматическим причинам.

³ *eme sal-sal* «язык очень тонок»; интересная игровая отсылка к диалекту *eme-sal* «тонкий язык», на котором в текстах говорят богини и храмовые певцы.

⁴ *da-ra-aḥ* буквально: «тарахтеть».

⁵ *ni₂-zu ad li-bi₂-gi₄* дословно: «самость твоя (ничего) не советует», т. е. с самим собой ты не советуешься, что делать.

⁶ *inim u₃-bu-bu-ul i₃-bal* «пламенные слова наболтала». *Ububul* (аккад. *zabbu*) — жрец, находящийся в экстазе.

⁷ «Л а з у р н ы й» здесь — не цвет храма, а указание на его небесную красоту.

⁸ Э з и н а (Ашнан) — богиня ячменного зерна. Рыба сравнивает себя с ячменем, из которого пекут лепешки.

98. Люди меня замечают, за мной наблюдают,
 99. Как на празднике урожая, они мне рады, меня почитают!
 100. Птица! Каких бы великих дел ты ни сотворила —
 твою заносчивость я узнаю,
 101. Твою надменность и ложь верну,
 твои руки ими наполню!»
 102. Рыба в тот день замыслила (зло) против Птицы.
 103. Тихо, украдкой рядом она скользила.
 104. Только Птица улетела из гнезда,
 чтобы детям принести корма, —
 105. Рыба в тихих местах затаилась,
 106. Гнездо ее, из хвороста свитое,
 в святилище призрака превратила,
 107. Дом ее разрушила, кладовую ее разметала,
 108. Яйца отложенные разбила, швырнула в море.
 109. Так Рыба отомстила Птице (и) ушла в воду.
 110. В тот день Птица с ликом льва и орла когтями ¹,
 111. Маша крылами, к гнезду своему приближалась,
 головой в полете вертела.
 112. Штормом, ревушим до Середины Небес,
 небеса охватившим,
 113. Птица, ища гнездо, расправила крылья,
 114. Гнездо свое, из хвороста свитое,
 в степи широкой она уследила,
 115. Как голос Нугиг ², до Середины Небес дошел ее голос.
 116. Птица искала Рыбу, обследовала болота,
 117. Птица в поисках Рыбы в глубину смотрела,
 (туда) помыслы обратила,
 118. Как бы в воду уйдя, расправила когти,
 119. Мелкие икринки собрала вместе, свалила в кучу.
 120. Так отомстила Птица, и сердце ее [усладилось].
 121. Второй раз ответила Птица Рыбе:
 122. «Бездарная, глухая, бестолковая Рыба ³,
 иссяк [твой разум!]
 123. Рты тех, кто кружит по пристани,
 нельзя насытить, их ежедневен голод!
 124. Ты — негодная свинья, свое дерьмо жуешь ты,
 да и на вид ты неприглядна!

¹ В гневе Птица сравнивается с орлом Имдугудом (акад. Анзу), вершащим судьбы.

² Nu-gig «иеродула» — эпитет богини Инанны (планета Венера).

³ galam-ma ħu-ru u₂ ħub₂ ġalga suĥ₃ дословно: 'Лишенная искусности, глухая, бестолочь!'

125. Ты — как стражник, живущий на стене,
сама себя ловишь (?)!¹
126. Рыба! Против меня ты огонь разожгла, дурман посадила,
127. По глупости своей устроила разоренье,
руки забрызгала кровью,
128. Твое надменное сердце своими делами себя погубит!
129. Я же — Птица! В небесах я летаю, на землю ступаю,
130. Где бы я ни ступила — названная именем небесным —
восторженные крики я вызываю!
131. [...] Рыбу великие властители даруют,
132. Семя мое первокласно! Птенцы мои превосходны!
133. [...] в лазурный Экур гордо иду я,
134. Навсегда [...],
135. [...], говорят многочисленные люди.
136. Как ты могла не признать моего превосходства?
Склони же шею!»
137. Так второй раз порочила Птица Рыбу.
138. Тогда крикнула Рыба на Птицу, злыми глазами сверкая:
139. «Не хвались своим лживым ртом!
Пусть судья наше дело рассмотрит!
140. Передам это дело Энки, нашему судье и арбитру!»
141. Пока они толкали друг дружку, вели злую распрю,
142. Спорили о величии и превосходстве,
143. Посреди Эреду завели по их поводу дело.
144. [...] как быки они ревели,
145. Как [...], обгоняли (друг дружку),
146. У царя Шульги, сына Энлиля²,
147. Гордого, грозного, искали управы.
148. «Ты, владыка правдивой речи,
к словам моим склони свое ухо!
149. Создала я [гнездо], отложила туда свои яйца,
150. [рыба, что ты] даровал и дал мне в пищу,
151. [...] положила,
152. [...] дом мой разрушила,
153. [Гнездо] мое, что из хвороста,
в святилище призрака превратила,

¹ lu₂ en-nu-uĝ₃ ĝa₂-ĝa₂ bad₃-da til₃-la ni₂-bi-ta sur-ra дословно: 'стражник поставленный, на крепостной стене живущий, сам на себя капающий'. Смысл сравнения мне непонятен. Х. Ванстипоут переводит: «You are like a watchman living on top (?) of a house, dripping (?) by itself!» (Op. cit. P. 583).

² Здесь Шульги назван сыном Энлиля, т. е. уподоблен богам Нинурте и Нанне. См.: Емельянов В. В. Царь как Нинурта в шумерских гимнах из Ура и Иси-на // Рахмат-наме: Сборник в честь 70-летия Р. Р. Рахимова. СПб., 2008. С. 130—143.

154. [Дом мой] разрушила, кладовую мою разметала,
 155. [Яйца мои раз]била, швырнула в реку,
 156. Слово твое пусть в мою пользу будет!»
 157. Глядя [на Шульги], ниц она пала.
 158. [...] слово ее он принял,
 159. [...] сказал от всего сердца:
 160. «Слово твое — святое слово, из тех, что радуют сердце!
 161. Как долго вы будете упорствовать в распрях?»
 162. Как из [...] схваченного, сияние исходит,
 163. Как бодучие [быки], толкали они друг друга.
 164. «[...] истинно, будь ко мне благосклонен!»¹
 165. «Я научу вас предначертаниям,
 правильным МЕ нашего жилища!»²
 166. Я — Энки, царь Абзу, дающий советы,
 сведущий в слове!»
 167. Он ответил Рыбе с Птицей:
 169. «Расхаживать по Экуру достойно Птицы,
 пение ее сладко!
 170. На священном столе Энлиля
 Птица тебя превосходит, [...]!
 171. В доме богов великих издает она крики,
 172. Голосу ее радуются Ануннаки,
 173. Для вечернего пира богов она подходит,
 174. Шульги-царю во дворце она голосом радует сердце,
 175. К столу Шульги, сына Энлиля, голову она [поднимает],
 176. Царь, жизнью на долгие дни наделенный, [...],
12 строк разбиты.
 188. За то, что в споре Рыбы с Птицей
 189. Птица превзошла Рыбу —
 190. Отцу Энки хвала!

Спор Рыбы и Птицы, по-видимому, является ритуальным спектаклем, разыгранным перед обожествленным царем Ура Шульги (или перед его статуей, если речь идет о посмертном культе). Не стоит искать в героях конкретные породы прототипов: рыба и птица даны здесь именно абстрактно, с предельно обобщенными свойствами, и поэтому в переводе они пишутся с прописных букв. Представление, как ясно из строки 27, начинается на городской улице, где Рыба начинает задирать Птицу. Через некоторое время действие продолжается уже в храме Энки. Помимо культа Энки, чрезвычайно

¹ Слова Рыбы, обращенные к Шульги.

² Дальше в действие вступает бог Энки.

важным для этого текста является культ Энлиля и ниппурского храма Экур. Из этого можно сделать вывод, что основное действие проходило в Ниппуре, а последняя часть относится к Эреду. Царь Шульги, к которому герои прибегают за посредничеством, назван сыном Энлиля, а достоинства Птицы воспеваются как необходимые атрибуты праздников Экура. Текст состоит из четко очерченных частей. В первой части рассказано о создании мира богом Энки. Характерно, что благие судьбы и предназначения создаются старшими богами Аном и Энлилем, а ответственность за их воплощение на земле возлагается на Энки. Таким образом, здесь воспроизводится та же схема, которую мы ранее видели в тексте «Энки и устройство мира», где Энки назван младшим братом Энлиля, получившим МЕ от небесного бога Ана. Энки (чье имя и переводится как «Владыка земли») создает земной мир снизу вверх в следующем порядке: живая вода → Тигр и Евфрат → каналы → хлева и овчарни (т. е. домашний скот) → города и селенья → люди → царь. Во второй части текста автор как бы снижается над землей и отдельно рассматривает только ту ее часть, которая связана с болотами и лагуной. Энки растит на болотах тростники, заселяет их рыбой и птицей, назначает этих тварей пищей для богов и учит их своему предназначению — выведению мальков и птенцов. Третья часть начинается с того, что Рыба пугается то ли вида, то ли голоса Птицы и начинает враждовать с ней прямо на улице города. Запомним, что Рыба пуглива, вздорна и сама начинает ссору. Можно в этом месте представить себе двух актеров, начинающих представление взаимным оскорблением друг друга. В этой части хорошо видны те неприглядные свойства противников, которые они с удовольствием обличают. Рыба обвиняет Птицу в том, что она слишком много ест и сильно гадит, разоряет сады и огороды, топчет пашни, сопротивляется, когда ее хотят принести в жертву, и неприятно кричит, распугивая спящих своим криком. Рыба хочет, чтобы Птица убралась из болот в яму на мусорной свалке, ибо там ей самое место. Однако Птица самолюбива, она знает, что прекрасна, и не обращает внимание на слова Рыбы, тем не менее, по закону жанра, она должна ответить сходным образом. И птица обвиняет Рыбу в малости и уродстве ее тела, в плохом запахе и трусости. При этом Птица непрерывно занята самовосхвалением. Она считает своими достоинствами внешнюю красоту, приятный голос, услаждающий слух царя, а также пригодность ее жертвы для Экура, из-за чего Птицу много и вкусно откармливают. Птица требует, чтобы Рыба признала ее превосходство и склонилась перед ее величием. Однако если существенным изъяном Рыбы является трусость, то недостатком Птицы ее противница считает безмыслие и заносчивость. Дальнейшие действия Ры-

бы показаны в тексте очень интересно. Рыба сокрыла гнев под водой, пройдя по дну подобно грозовой туче и не выказав своего настроения противной стороне. А затем она, как маленький и трусливый человек, замыслила против Птицы откровенную подлость. И перед совершением этой подлости Рыба проговорила, сообщив Птице, что та не понимает ее сущности, потому что не в состоянии глубоко размышлять. Птица, хоть и красива, но неумна и не способна разгадать свойства своего противника. Рыба же — отличный психолог. Она стоит за себя, заявляя Птице, что люди рады ей как подательнице пищи не менее, чем они рады богине ячменя Эзине, и что ее жертва точно так же угодна Экуру; только она не сопротивляется, а гордо идет на стол бога. Затем Рыба обвиняет Птицу в злоречии, заявляя, что во всех ее делах распознает ложь и надменность. До сих пор Рыба была права в своих заявлениях. Однако в четвертой части текста она (напомним — зачинщица конфликта) совершает поступок, несовместимый с предназначениями богов, — нападает на птичье гнездо, разоряет его и выбрасывает яйца в море. Птица отвечает ей тем же, уничтожая икринки ее мальков. Второе поношение Рыбы Птицей включает уже самые грубые ругательства в адрес противника — обвинение в отсутствии ума и в том, что Рыба запачкала свои руки чужой кровью. И снова Птица хвалит сама себя, заявляя о восхищении людей ее полетом и о своей избранности Небом. Однако конфликт переходит в другую фазу. Рыба становится зачинщиком тяжбы, не понимая, что ее преступление само требует суда. И в пятой части текста уже не соперники, а тяжущиеся стороны обращаются к третьей стороне, в роли которой они видят царя Шульги. Дело об их споре заводят в городе Эреду. Именно там оказывается Шульги. Рыба и Птица ищут у царя управы, рассматривая его в качестве посредника между ними и богом Энки. Первой к Энки обращается Птица. Она рассказывает царю о преступлении Рыбы, и царь благосклонно внимает ее рассказу. Рыба, поняв, что приговор может быть суровым, просит Шульги быть к ней милосердным. Дальше в действие вступает сам бог Энки. Кто выступает от его имени — неизвестно. Энки возвращает противников к разговору о знании их предназначений. И, согласно его вердикту, в конфликте побеждает Птица, поскольку она вкусна для Энлилы, а ее пение радует сердце Ауннаков и Шульги. Такова последняя, шестая часть текста, заканчивающаяся колофоном, прославляющим мудрость Энки.

Итак, выбор сделан. Маленькое, трусливое и подлое существо, обладающее глубоким умом и пониманием другого существа, проигрывает созданию иного рода — красивому, сладкогласному и заносчивому, не желающему задумываться о свойствах других, са-

молюбивому и равнодушному к чужой злобе. Можно сказать, что, выбирая победителя, боги руководствовались одним критерием — кто более ценен и необходим для царя Шульги и храма Экур¹. Разумеется, это важно. Однако подобный ритуальный спор имеет глубокую мораль. И заключается она в том, что Птица жила по своему предназначению, данному Энки. Она не отступала от порядка, не делала зла слабому и несчастному, а отомстила уже за содеянное зло, поскольку, согласно тому же предназначению, не могла не отомстить за своих нерожденных детей. Рыба же нарушила Закон. Да, она со смирением и даже с гордостью принимает свою участь жертвы, она стремится вызвать жалость своей слабостью и оправдать свою трусость. Но это тот случай, когда трусость слабого приводит к подлости, от которой страдает сильный и прекрасный, не нарушавший божественных правил. Поэтому проигрыш Рыбы — именно моральный проигрыш зачинщика конфликта, инициатора подлости, несправедливого истца в судебной тяжбе. Поняв свою неправоту в последний момент, Рыба просит бога Энки быть к ней милосердным, ибо по Закону она обязательно должна понести наказание. Однако вердикт бога неумолим: Птица одерживает верх над Рыбой как морально правая и безвинно пострадавшая сторона. А необходимость храму Энлиля лишь подтверждает избранничество и высшую правоту Птицы. Автор ритуального спектакля прибегнул к парадоксу. Казалось бы, победить должно слабое, боязливое, но глубокомысленное существо. А фанфарона в перьях, бывшего для него источником страха, неизбежно ждет поражение. Но не тут-то было! Фанфарон никому не делал подлости, и потому оправдан перед богами. Он же не виноват в том, что красота, гармония и самохвальство входят в число свойств, предназначенных для него богом Энки.

Прения Рыбы и Птицы интересны еще и наличием более древнего прототипа. Причем прототип этот показывает, как складывался сам жанр прений на раннем этапе его существования. История Цапли и Черепахи хорошо известна в изданиях и в переводах². Она

¹ Х. Ванстипоут видит особенность текста и характер победителя в следующих чертах: «Особенностью является то, что стихотворение представляет собой, по видимому, смешанную форму: спор превращается в настоящую ссору, даже драку <...> Ссора приводит к реальному судебному делу, представляемому на рассмотрение (уголовного?) правосудия <...> Удивительно, но одной из причин раздора между соперниками, кажется, является противостояние приятного эстетизма (Птица) и суровой и серьезной полезности (Рыба)» (*Vanstiphout H. L. J. The Mesopotamian Debate Poems. P. 275*). С. Понкиа характеризует Птицу как «легкомысленную и шумную, но дающую комфорт богам и человечеству» (*Op. cit. P. 77*). Никто из исследователей не поднимал вопрос моральной правоты Птицы.

² *Gragg G. B. The Fable of the Heron and the Turtle // Archiv für Orientforschung. 1973. No. 24. P. 51—72*; Тростниковые заросли что говорят? (Рассказ о цапле и чере-

не входит в число классических прений, потому что устроена иначе. В вводной части текста описано не творение мира, а жизнь разных растений и существ в тростниковых зарослях. Затем рассказано, что в храм Энки приходит Цапля, которая жалуется на подлые действия Черепахи. Черепаха разрушила тростниковое жилище Цапли, разорила ее гнездо и вышвырнула ее детей в воду. Цапля требует, чтобы Энки решил дело в ее пользу. Энки обращается к своему слуге Исимуду с повелением разобраться в перипетиях этого конфликта. Но, к сожалению, конец текста разбит, а его копии неизвестны. Мы не видим здесь элементов прения, слышится только жалобный голос Цапли. И царь, который упомянут в этом тексте, тоже древнее урских царей: [ġiš]-/gi\ sig₇-ga-bi saġ nam-il₂ Gu₃-de₂-a dug₃-ga-am₃ «тростниковые заросли, что в зелени своей голову подняли, — хороши как Гудеа!» (19)¹. Упоминание правителя II династии Лагаша Гудеа указывает или на создание текста в его эпоху, или на культ обожествленного Гудеа в эпоху III династии Ура. В любом случае перед нами очень интересный древний костяк жанра — прошение пострадавшей стороны к верховному богу по поводу постигшей ее несправедливости. В этом прошении отсутствует прение между противниками, а в экспозиции текста нет космогонического зачина. Черепаха и Цапля, Рыба и Птица — герои одного типа. Одна связана с водой, другая — с землей и воздухом. Преступление Черепахи тождественно преступлению Рыбы. И на этих примерах еще раз подтверждается главный тезис «Морфологии сказки» В. Я. Проппа: постоянным элементом истории является функция героя, а переменным — его имя.

V. V. Emelianov.
St-Petersburg State University.
Sumerian instructive dialogue
«The Debate of the Fish and the Bird»

The article provides the first translation of the Sumerian instructive text “The Debate of the Fish and the Bird” into Russian. In its structure, the text belongs to the genre of debate, but in the colophon it is indicated as a song of praise in honor of the god of wisdom Enki. It is

пахе) // От начала начал: Антология шумерской поэзии в переводах В. К. Афанасьевой. СПб., 1997. С. 315—319.

¹ The heron and the turtle <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.5.9.2#> (дата обращения: 20.04.2024).

shown that in this text, intended for copying and memorization in the scribal school, the bearer of wisdom is the god Enki and his representative, the king of the III dynasty of Ur Shulgi, who is called here the son of Enlil. Much attention in the debate is paid to the cults of Eredu and Nippur. Unlike other Sumerian debates known to us, in which the side that is most useful to people wins, in this case we are talking about a moral victory. Enki declares the Bird the winner, since it accurately fulfilled its destiny and did not commit vile acts. The fish loses because it violated the ritual order of things and violated the law established by the god Enki. The story of the Heron and the Turtle is considered separately as the most ancient prototype of the debate. It has been suggested that the most ancient basis of the genre of debates could have been a petition, that is a request from the injured party to the supreme god regarding the injustice that has befallen it.